

УДК 81'42 ББК Ш300.1

Повествование как первичный речевой жанр и его функционирование в целом тексте (вторичном речевом жанре)¹

Т. И. Попова

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье на примере рассказа о поступке рассматривается эволюционирование первичного речевого жанра при включении его во вторичный жанр. Определяется характер изменений, происходящих в структуре повествовательного текста под воздействием того целого, частью которого он становится. Рассматривается связь исходной структуры рассказа о поступке и типов памяти, присущих человеческому сознанию.

Ключевые слова: рассказ о поступке, первичный и вторичный речевой жанр, типы памяти, моральная и нравственная оценка.

T. I. POPOVA. *The narrative voice as a primary genre and its functioning in the whole text (secondary speech genres)*

Abstract. In the article on the example of the story of the act discusses the evolution of the primary speech genre in his inclusion in a secondary genre. Is determined by the nature of the changes occurring in the structure of the narrative text under the influence of that whole, part of which he becomes. Discusses the relationship of the original structure of the story about the act and types of memory inherent in human consciousness.

Keywords: the story of the Act, the primary and secondary speech genres, types of memory, mental and moral evaluation.

Среди повествовательных текстов определённое место занимает рассказ о поступке. Это может быть планируемый поступок, относимый к будущему, но чаще всего это рассказ о прошлом опыте, всегда переживаемом, оцениваемом с позиции настоящего, что и определяет обращение к памяти, воспоминание о нём.

Поступок сам по себе это не просто действие, а «осмысленное действие или бездействие, которое человек совершает в результате принятого решения или под воздействием охвативших его чувств» [Рождественский 2002: 35]. Поступки подвергаются двойной оценке: моральной — с точки зрения законов общества, и нравственной — с точки зрения совести (внутренняя нравственная оценка).

Рассказ о поступке оказывается всегда содержательно и модально двуслоен: это рассказ о прошлом опыте с позиции настоящего, поэтому в нём существуют два временных плана (прошлое и настоящее) и минимум два воспринимающих субъекта (субъект, принадлежащий прошлому, и субъект, принадлежащий настоящему), при этом модальные оценки поступка этими субъектами могут не совпадать и чаще всего не совпадают, так как цель рассказа о поступке — мысленное возвращение к поступку прошлого, его переоценка с позиции настоящего.

Всякий поступок получает моральную оценку, с точки зрения того, как «должно», как принято в обществе, т. е. уместно / неуместно, своевременно / несвоевременно, соразмерно / несоразмерно, целесообразно / нецелесообразно, быстро / медленно, а также внутреннюю нравственную оценку с точки зрения совести. Совесть — «внутренняя оценка че-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Типология текста: от составляющих к динамике их взаимодействия», 13-04-00439, 2013–2015 годы.

ловеком своего поведения, самооценка, постоянный мысленный разбор успехов и неудач, достойных и недостойных (умных и глупых, правильных и неправильных и т. п.) поступков» [Рождественский 2002: 39–42].

Поступок вспоминается, извлекается из памяти и переосмысливается на протяжении человеческой жизни. Наша память устроена таким образом, что она может многократно переструктурироваться, давая человеку возможность познать самого себя. Эпизоды прошлого, локализованные во времени, хранятся в эпизодической памяти. Эпизодическая память «хранит информацию о событиях, разворачивающихся во времени, и о связях между этими событиями; последние всегда автобиографичны (путешествие на море, первый поцелуй, обед в ресторане и т. п.)» [Большой психологический словарь 2003: 587]. Именно эпизодическая память позволяет человеку строить нарратив, располагать события во времени. Возвращаясь к эпизодам прошлого позволяет специфический принцип кодирования: «доступность образа прошлого определяется совпадением „ключевых“ элементов ситуации кодирования и извлечения» [сайт Информационные технологии в обучении].

Включать поступок в систему ценностей позволяет семантическая память, в которой отражаются обобщенные знания о мире. Семантическая память — это «система для приема, хранения и восстановления систематизированного и обобщенного знания субъекта о мире, а также о словах и др. языковых символах, их значениях, о том, к чему они относятся, о взаимоотношениях между ними, о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями» [Большой психологический словарь 2003: 587].

Выделяют также автобиографическую память, где сохраняются личностно отнесенные события и состояния, которые определяют самоидентичность личности, а также эмоциональную память — память на эмоционально окрашенные события [Большой психологический словарь 2003: 376].

Любой текст фиксирует фрагмент человеческого опыта и его осмысление. Это делает текст, по мнению Е. С. Кубряковой, «возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, т. е. позволяет установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены» [Кубрякова 2001: 78]. Рассказ о поступке как форма переживания собственного опыта часто является содержанием литературных произведений, эссе, дневниковых

записей. При этом в отличие от «рассказывания, предполагающего извлечение морали из истории, центром, вокруг которого движется роман, является *вопрос о смысле жизни* — той жизни, которую автор предлагает пережить читателю» [Ковалев 2011: 113]. Особенностью экзистенциальных ценностей является их диалогичность. По мнению М. С. Кагана, «экзистенциальные ценности обретают свою реальность тогда, когда *осознаются и могут быть сформулированы* личностью если не для других, то хотя бы для самой себя, то есть для другой личности в себе» [Каган 1997: 127]. И если «нравственные ценности не обсуждаются, они постулируются, ибо претендуют на общечеловеческую значимость», то «экзистенциальные ценности постоянно дискутируются, и не только во внутреннем диалоге, протекающем в сознании личности, но и в столкновении разных взглядов на смысл бытия противоположных социальных микросубъектов, ибо у каждого *своя* идеология, а значит — *свое понимание бытия*» [там же]. Неслучайной поэтому оказывается форма экспликации рассказа о поступке — он включается в рассуждение.

Соответственно анализ такого типа текста как рассказ о поступке объективно предполагает ответ на следующие вопросы: 1) какова структура повествовательного текста: какие его исходные типологические качества сохраняются и какие появляются под воздействием того целого, частью которого он становится; 2) как в исходной структуре повествовательного текста отражаются типы памяти, присущие человеческому сознанию: эпизодическая, семантическая и автобиографическая память; 3) каков характер включения повествовательного компонента в структуру вторичного речевого жанра, где его содержание подвергнется осмыслению и оценке.

Отметим, что в своём исследовании мы опираемся на положения о речевых жанрах М. М. Бахтина, понимающего речевой жанр как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1979: 237] и выделяющего два типа речевых жанров: первичные (простые) и вторичные (сложные). Первичные жанры функционируют в бытовой сфере общения, вторичные жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п.» [Ук. соч.: 237]. При наличии разнообразных толкований понятия речевого жанра и выделении его различных типов (Т. В. Шмелёва, М. Ю. Федосюк, К. Ф. Седов, В. В. Дементьев, Ст. Гайда и др.)

в качестве рабочих для анализа письменной монологической речи мы используем как речевые жанры традиционные ФСТР: описание, повествование и рассуждение. Они обладают устойчивой семантикой, связывающей речевое высказывание с действительностью (реальной в параметрах места — описание и времени — повествование, а также ментальной — рассуждение), и стабильными принципами использования языковых средств.

Повествование традиционно определяется как «функционально-смысловой тип речи, в котором говорится о *развивающихся* действиях, состояниях, процессах, событиях» [Педагогическое речеведение 1998: 154], «изображение событий или явлений, совершающихся не одновременно, а *следующих друг за другом* или обуславливающих друг друга» [Солганик 1997: 142]. Рассказ о поступке — это один из видов первичных речевых жанров повествования.

Обратимся к короткому эссе А. Сокурова «Вопрос вопросов», которое может быть проанализировано целиком в рамках объема нашей статьи. Это эссе включает в себя повествовательный компонент, который представляет собой воспоминание о несовершенном поступке. При анализе данного эссе мы постараемся продемонстрировать, каким трансформациям подвергается первичный речевой жанр — повествование — при включении его в состав вторичного речевого жанра, основу которого составляет рассуждение. Особое внимание мы будем обращать на прототипические черты повествовательного текста и их трансформацию как типологическое явление.

При проведении такого анализа мы учитываем стратегии — цели сообщения и движение к её реализации в тексте, и тактики — шаги в достижении цели.

Вопрос вопросов

(1) Где взять силы жить? Вопрос этот задается часто. Я бы уточнил его, обострил.

(2) Где взять силы, чтобы жить сообразно чести? Вот это и есть самый сложный вопрос.

(3) Конечно, трудно каждому человеку. Каждый что-то преодолевает: кто немощь возраста, кто замкнутость жизни, одиночество, кто обреченность социального тупика; кто-то тяжело и обреченно болен, кто-то не может пережить расставание с любимым человеком, кого-то предали. У кого-то бездарный сын, ради которого мать готова на преступления. Но это всё случаи, когда человек достоин сочувствия и понимания.

(4) Время лечит. А ведь правда — лечит. Не могу забыть гнетущую тяжесть первых моментов после смерти отца, первых часов, потом дней. В конце концов

эта, первая, боль куда-то ушла. Растворилась. Но есть другая — потяжелее. Когда не молчит совесть.

(5) Помню, собирался отец на похороны своей матери — в далекую деревню надо было ехать. Не хотел никого из семьи с собой брать. А на меня все же посматривал, на меня посматривал. А я молчал. Мне тогда было страшно себе представить, что я окажусь на похоронах, что на меня сойдет смертельная безысходность кладбища, что меня вдруг заставят нести гроб или целовать в лоб мертвого человека... Конечно, я был еще молод и в этой ситуации, в отличие от других случаев, слишком труслив. Но я помню: какая-то странная высокая сила сковала мою волю, лишила меня слов и сил и не позволила сказать отцу, что я готов поехать с ним. Да, я не готов был ко встрече со смертью, но я должен быть в этом тяжелом случае рядом с отцом.

(6) Я не поехал. Моя вина безмерна.

(7) Болит совесть — это значит, мучается душа. Совесть, наверное, важнейший нерв души. Но иногда смотришь вокруг, оглядываешься, вспоминаешь и начинаешь признавать, что не у всякого есть душа-то. Не обязательное это приложение к подарку жизни у человека.

(8) Но и не всякая душа рождает силы, которые умножают и поддерживают стремление достойно жить. Среди женщин и мужчин есть такие, которые «зарабатывают» душу, изменяют, воспитывают ее. Вот ее не было, а человек своим духовным трудом создал ее, душу, внутри себя или научил ее, свою душу, быть умнее, добрее, сильнее... Но таких людей — единицы из миллионов. Рядом с такими людьми всегда должен был быть кто-то особенный, чувствительный, кто поможет пройти хотя бы часть трудного жизненного пути. А уж этих-то людей, душевных помощников, кормчих наших душ, еще меньше.

(9) Где взять силы, чтобы жить сообразно чести?

(10) Наверное, задавая душе вопросы и требуя от нее ответов на самые тяжелые и страшные для себя темы. Если она не может дать ответов простых и ясных, которые ты имеешь мужество выслушать, — значит, ты в беде. [Сокуров 2011: 5–7]

По своей структуре этот текст представляет собой, как уже указывалось, рассуждение, которое в норме имеет четырехчастную структуру: *проблемная ситуация*, которая порождает *вопрос* для поиска ответа, *поиск ответов* и *вывод*. В нашем тексте первые две части инверсированы: проблемная ситуация представлена в 3-м абзаце, вытекающий из неё вопрос, актуализированный повтором (*Где взять силы жить? Где взять силы, чтобы жить сообразно чести?*) предшествует ей, начиная текст. Абзац 4, имеющий

информационный характер, даёт первый ответ на поставленный вопрос: первая, боль (связанная с потерей отца) *куда-то ушла. Растворилась. Но есть другая — потяжелее. Когда не молчит совесть.* Этот ответ, как видно, носит катафорический характер, предписывая продолжение, которое должно ответить на вопрос о тревожащей совести. Это продолжение реализуется в рассказе о несовершенном поступке (абзацы 5 и 6).

Рассказ о несовершенном поступке оказывается многослойным:

1) изображение предполагаемого события как представимой ситуации (*я окажусь на похоронах, на меня сойдет смертельная безысходность кладбища, меня вдруг заставят нести гроб или целовать в лоб мертвого человека...*);

2) воспоминание о конкретном событии (*Помню, собирался отец на похороны своей матери ... Я не поехал.*);

3) отдельный компонент этого эпизода посвящён состоянию героя как процессу, и динамическому и статическому одновременно: *надо было ехать. (отец) Не хотел никого из семьи с собой брать. А на меня все же поглядывал, на меня поглядывал. А я молчал. Мне тогда было страшно... (Конечно, я был еще молод и в этой ситуации, в отличие от других случаев, слишком труслив. Но я помню) какая-то странная высокая сила сковала мою волю, лишила меня слов и сил и не позволила сказать отцу, что я готов поехать с ним. (Да, я не готов был ко встрече со смертью, но я должен быть в этом тяжелом случае рядом с отцом).* Вероятно, эпизодическая память дополняется тем, что называется автобиографической памятью, сообщающей повествованию абсолютно индивидуальный характер, позволяя вводить в ткань этого повествования оценочные компоненты (в скобках). Повествование построено на сменах глагольного вида: *на меня поглядывал, я молчал, мне было страшно / сила сковала мою волю, лишила слов, не позволила сказать*, маркирующих «недействие» и состояние.

Приведённый в повествовательной форме сюжет/эпизод позволяет вернуться к рассуждению как основе всего текста, стратегически устремлённого к поиску ответа на поставленный вопрос. Оно получает новый стимул, а сам эпизод, представленный в форме прошедшего времени, но в репродуктивном регистре, возрождает живые черты события, доступные восприятию в настоящем. Здесь уместно вспомнить интересное наблюдение В. Б. Касевича: «Человек наблюдает настоящее — он всегда находится в настоящем; даже прошлое есть в каком-то

смысле элемент настоящего, поскольку настоящее является непосредственным результатом прошлого, а будущее становится воспринимаемым, когда оно реализуется как настоящее (уходя тут же в прошлое). Такая «всевременность» настоящего оборачивается безвременностью, так что «время нередко не осознаётся необходимым условием всего, что есть в мире» [Касевич 2013: 43]. Эта «всевременность» поступка, который не покидает сознания, определяет дальнейшее развитие текста: 7 и 8 абзацы становятся своего рода «ментальным повествованием», представляющим собой последовательность развития мысли. От частного поступка и его оценки (абзацы 5 и 6) автор переходит к понятию совести, которая не даёт забыть поступок (*болит совесть — это значит мучается душа*), и души.

Абзац 7 также носит катафорический характер, продвигая развитие мысли (*не у всякого есть душа-то*).

Абзац 8 даёт ещё один ответ на вопрос «Где взять силы, чтобы жить сообразно чести?»: надо «разрабатывать душу» с помощью «душевных помощников».

9-ый абзац закольцовывает текст, повторяя вопрос. В 10-м абзаце автор приходит к выводу, что силы жить сообразно чести может дать человеку его душа и в этом смысл жизни.

Таким образом, весь текст эссе организует стратегия рассуждения — от постановки вопроса в первом предложении и движения к ответу на него по мере изложения, что реализуется в тактических приёмах, в том числе введении повествовательного компонента с рассказом о «несобытии», осмысление которого приводит к заключительному ответу на поставленный в начале текста вопрос.

В основе эссе лежит эпизод из жизни автора — несовершенный поступок, который переоценивается с позиции настоящего. Оценка поступка проходит несколько этапов:

1. Оценка с позиции прошлого: дается с точки зрения морали, правил поведения предписываемых извне, обществом — *но я должен быть в этом тяжелом случае рядом с отцом.*

2. Оценка нравственная, с позиции настоящего — *Я не поехал. Моя вина безмерна.* Автор-герой смог осознать свою вину только спустя годы, когда пережил смерть своего отца. Осознал вину перед другим человеком.

3. Оценка экзистенциальная — абзац 4 — *В конце концов эта, первая, боль куда-то ушла. Растворилась. Но есть другая — потяжелее. Когда не молчит совесть*, а также абзац 7 и 10.

Все эссе построено как рассуждение — ответ на вопрос, который задает себе человек, обретший совесть. Сам эпизод, который мучает героя, вспоминается по ассоциации с аналогичной ситуацией. Возможность познать боль другого приходит через собственный опыт. Возможно, здесь эксплицирована работа нашей памяти: эпизодическая память (собственные переживания в момент совершения поступка) взаимодействует с семантической памятью (моральные и нравственные категории, пропущенные через собственный опыт), что помогает сформировать автобиографическую память, одной из функций которой является функция определения смысла жизни.

Эти три уровня осознания поступка представлены в разных текстовых регистрах, отражающих 3 уровня восприятия мира:

События, основанные на эпизодической памяти, вводятся маркером *Помню + наименование ситуации* (собирался отец на похороны своей матери) в информативном регистре, сменяющемся репродуктивным регистром — описание состояния героя в момент протекания события. Оправдание поведения в информативном регистре передает фазу переживания поступка.

Семантическая память позволяет сопоставить свое поведение и поведение других людей (я и другие) в сложных жизненных ситуациях. Эти эпизоды написаны в информативно-оценочном регистре.

Автобиографическая память реализуется в эпизодах, написанных в генеритивном регистре. Для этих эпизодов характерен переход от противопоставления себя другим к идентификации с другим (ты).

Итак, отвечая на поставленные в статье вопросы, можно сказать следующее:

1. Рассказ о поступке как первичный повествовательный текст обладает всеми прототипическими чертами повествовательного текста, такими как включенность субъекта восприятия в происходящие события, последовательность изложения событий при помощи глаголов прош. вр. СВ, передача состояния действующего субъекта глаголами прош. вр. НСВ.

2. Находясь в составе эссе, повествовательный текст сохраняет исходные черты повествовательного текста, однако под воздействием вторичного текста он подвергается смысловым и структурным изменениям:

во-первых, появляется множество субъектов повествования (субъект вспоминающий, субъект наблюдающий, субъект рефлексирующий, субъект оценивающий), принадлежащих миру настоящего;

во-вторых, повествовательный компонент с точки зрения композиции становится элементом, включенным в рассуждение, а именно, аргументом;

в-третьих, в повествовательном тексте активно расширяется оценочный компонент, поступок подвергается моральной и нравственной оценке, становится частью экзистенциального опыта человека.

3. Обращение к событиям прошлого происходит через встречу с аналогичными ситуациями при помощи эпизодической памяти, вход в которую определяется совпадением элементов настоящей и прошлой ситуаций. Этим объясняется наличие в тексте о поступке аналогичной ситуации в настоящем. Биографическая память фиксирует эмоционально окрашенные ситуации, отсюда в рассказе о поступке появляются эмоциональные и оценочные компоненты. Семантическая память позволяет включить событие прошлого в контекст настоящего и переосмыслить прошлое. Таким образом, структура рассказа о поступке обнаруживает тот когнитивный потенциал, которым обладает всякий повествовательный текст. Развертывание и осложнение первичного повествовательного текста обусловлено нашими когнитивными особенностями, предопределяющими появление во вторичном тексте многосубъектности, отвечающей диалогической природе нашего сознания, эмоциональности как форме хранения индивидуального опыта и оценочности как отражения экзистенциального опыта.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 280 с.

Большой психологический словарь/ под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М.: 2003 — 672 с.

Информационные технологии в обучении // Режим доступа: http://cnit.mpei.ac.ru/textbook/01_01_02_47. НТМ (дата обращения: 10.10.2014).

Каган М. С. Философская теория ценности. — СПб., 1997. — 205 с.

Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 192 с.

Ковалев О. А. Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского. Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. — 316 с.

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. — М., 2001. — С. 72–81.

Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. — М.: Флинта, Наука, 1998. — 312 с.

Рождественский Ю. В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 88 с.

Солганик Г. Я. Стилистика текста: Уч. пособие. — М.: Флинта, Наука, 1997. — 256 с.

Сокуров А. В центре океана: эссе, рассказы. — Спб.: Амфора, 2011. — 319 с.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Попова Татьяна Игоревна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

Эл. почта: rkispb@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Popova Tatyana Igorevna is a Doctor of Philology, Professor of Russian Language as Foreign and methodics of education Department of Philological Faculty in St. Petersburg State University.